

> МАГИСТРАЛЬ >

*Посвящается
Грэму Митчисону
(1944—2018)*

Но наш закон должны вы все-таки принять;
Не различаем мы, где правда, а где ложь...

*Редьярд Киплинг,
Секрет машин¹*

1

Это было чаянием религиозного порядка, святым граалем науки. Наши амбиции простирались везде и всюду — претворить в жизнь миф о сотворении через чудовищный акт себялюбия. Как только это стало возможным, мы не могли не поддаться такому соблазну — и будь что будет. Выражаясь возвышенным слогом, мы вознамерились избежать смертности, бросить вызов или даже заместить Бога-творца, создав собственное идеальное подобие. Говоря приземленнее, мы задались целью разработать улучшенную, обновленную версию самих себя и, достигнув в этом мастерства, возликовать в изобретательском экстазе. Наконец-то на закате двадцатого века был сделан первый шаг на пути исполнения древней мечты и положено начало долгого урока, который мы должны будем усвоить, состоящего в том, что при всей нашей неоднозначности и ущербности, при всех сложностях описания даже наших простейших действий и способов бытия мы поддаемся имитации и улучшению. И мне довелось оказаться на этом зябком рассвете, будучи молодым человеком, исполненным наивности и энтузиазма, в роли приемного родителя.

Однако образ успел стать клише задолго до того, как появились первые искусственные люди, по-

---

¹ Перевод Владимира Филиппова.

этому некоторые восприняли их с разочарованием. Воображение — смелее, чем история и технический прогресс, — уже проработало это будущее в книгах, фильмах и телесериалах, как будто актеры с особым остекленелым взглядом, дергаными движениями головы и скованной осанкой могли подготовить к жизни с нашими будущими собратьями.

Я относился к оптимистам и стал обладателем неожиданных средств, полученных от продажи фамильного дома после смерти матери, который, как оказалось, был расположен в дорогом районе застройки. Первый по-настоящему полноценный искусственный человек с адекватным интеллектом и внешностью, правдоподобными движениями и мимикой поступил в продажу за неделю до начала безнадежной Фолклендской кампании¹. Адам стоил восемьдесят шесть тысяч фунтов стерлингов. Арендовав микроавтобус, я привез его к себе домой, в мою неприглядную квартирку в Северном Клэпеме. Это было безрассудное решение, но меня обнадеживала новость, что сэр Алан Тьюринг², герой войны и непревзойденный гений цифрового века, заказал себе такую же модель. Он, вероятно, собирался разобрать ее на части в своей лаборатории, чтобы досконально изучить внутреннее устройство.

Двенадцать роботов первой партии носили имя Адам, тринадцать — Ева. Подход мешанский — все

---

¹ Речь идет о войне между Аргентиной и Великобританией, продлившейся с 2 апреля по 14 июня 1982 года. В настоящем романе, в отличие от действительности, победила Аргентина. — *Здесь и далее прим. пер.*

² Алан Тьюринг (1912—1954) — английский математик, логик, криптограф, оказавший большое влияние на развитие информатики. В настоящем романе он прожил намного дольше, чем в действительности.

это признавали, — впрочем, коммерчески оправданный. Соображения о строгом расовом различии были отброшены наукой, так что эти двадцать пять экземпляров представляли собой широкое этническое разнообразие. Пошли слухи, а позднее жалобы, что робота-араба невозможно отличить от робота-еврея. Произвольное программирование и личные наклонности давали всем полную свободу в сексуальных предпочтениях. К концу первой недели все Евы были раскуплены. Мой Адам для постороннего наблюдателя мог сойти за турка или грека. Он весил 170 фунтов¹, так что мне пришлось обратиться за помощью к Миранде, соседке сверху, чтобы втащить его в дом на прилагавшихся к нему одноразовых носилках.

Пока заряжались батареи, я сварил нам с Мирандой кофе, а затем пролистал 470-страничную электронную инструкцию. Ее язык, по большей части, отличался ясностью и четкостью. Но Адам был совместным продуктом нескольких фирм, и местами инструкция напоминала очаровательную поэму-нонсенс. «Извлеките наружу вверх вставку В347к для безопасного доступа к эмограмме с выходом на материнскую плату для смягчения полутонов эмоциональных перепадов».

Итак, картон и пенопласт лежали у его ног, а обнаженный Адам сидел с закрытыми глазами за моим крошечным кухонным столом, и из пупка у него выходил черный шнур, подключенный к стенной розетке мощностью в тринадцать ампер². Для зарядки требовалось шестнадцать часов. С последующей загрузкой обновлений и личных предпочтений. Я хотел,

---

¹ 77 кг.

² Одна из стандартных мощностей бытовых электросетей в Англии.

чтобы он ожил прямо сейчас, Миранда тоже желала этого. Словно молодые родители, мы жадно ждали его первых слов. Как мы знали из восторженной рекламы, он говорил не с помощью дешевой звуковой системы, скрытой в грудной клетке, но образовывал звуки речи за счет собственного дыхания, языка, зубов и неба. Его кожа, казавшаяся живой, уже была теплой на ощупь и нежной, как у ребенка. Миранда утверждала, что видит, как шевелятся его глаза под веками. Я же был уверен, что она видит вибрацию от движения подземки, проходившей в сотне футов под нами, но я ничего не сказал.

Адам не был секс-игрушкой. Тем не менее он был способен заниматься сексом и обладал слизистыми оболочками, для работы которых ему требовалось потреблять пол-литра воды ежедневно. Глядя на него, сидевшего у стола, я не мог не отметить его густую и темную лобковую растительность и необрезанный член внушительных размеров. Эта высококласная модель искусственного человека, несомненно, отражала пристрастия своих молодых разработчиков. Адамы и Евы — так было задумано — должны отличаться цветущим видом.

В рекламе его преподносили как компаньона, партнера по интеллектуальным баталиям, друга и личного помощника, который мог мыть посуду, заправлять постель и «думать». Каждый миг своего существования он записывал все, что слышал и видел, и мог использовать эти данные. Однако ему не разрешалось водить автомобиль, плавать и принимать душ или находиться под дождем без зонта, а также работать с цепной пилой без присмотра. Что касается продолжительности работы, то — спасибо превосходным аккумуляторным батареям — он мог пробегать до семнадцати километров за два часа без подзарядки

или, в виде эквивалента энергозатрат, вести общение в течение двенадцати дней. Жизненный цикл Адама составлял двадцать лет. У него была аккуратная фигура, угловатые плечи, смуглая кожа и густые темные волосы, зачесанные назад; узкое лицо с чуть крючковатым носом, как бы намекавшим на острый ум, задумчивые глаза под тяжелыми веками и плотно сжатые губы, цвет которых менялся на наших глазах от трупного изжелта-белого до насыщенного телесного, а уголки рта словно чуть расслаблялись. Миранда сказала, что он напоминает ей «портового грузчика с Босфора».

Перед нами сидел венец индустрии развлечений, воплощенная мечта веков, триумф гуманизма или же его ангел смерти. Он будоражил сверх всякой меры, но и вызывал досаду — смотреть на него и ждать шестнадцать часов. Я думал, что за ту сумму, что я уплатил после ланча, Адам будет уже полностью заряжен и в рабочем состоянии. За окном был промозглый день, клонившийся к вечеру. Я поджарил тосты, и мы выпили еще кофе. Миранда, стипендиат-докторант по социальной истории, сказала, что хотела бы, чтобы рядом с нами была юная Мэри Шелли, лицезрящая не монстра Франкенштейна, а этого обретающего жизнь очаровательного смуглокожего молодого человека. Я сказал, что оба эти создания имеют кое-что общее — для оживления им требуется электричество.

— Как и нам, — сказала она так, словно имела в виду только нас двоих, а не всех представителей человечества и их электрохимические процессы.

Ей исполнилось двадцать два года, и она была на десять лет моложе меня, хотя выглядела старше. Спустя десятилетия я думаю, что разница была не так уж велика. Мы оба были восхитительно молоды. Но я считал, что мы находимся на разных жизнен-

ных этапах. Мое формальное образование было давно окончено. Я считал себя слишком побитым жизнью и безнадежным циником для такой славной молодой женщины, как Миранда. И пусть она была прекрасна — светло-русые волосы, тонкое продолговатое лицо и вдумчивые глаза с затаенной смешинкой — и пусть в какие-то моменты я смотрел на нее в изумлении, я изначально отвел ей роль доброй, дружелюбной соседки. Мы то и дело сталкивались в прихожей, а ее квартира располагалась прямо над моей. Мы периодически заглядывали друг к другу на чашку кофе и болтали об отношениях, политике и всяком таком. Она держалась потрясающе нейтрально и, казалось, с радостью приняла бы любое развитие событий. У меня было такое ощущение, что вечер интимной близости со мной для нее был бы равнозначен целомудренной дружеской беседе. Она была со мной совершенно естественна, и я внушил себе, что секс все бы испортил. Так что мы оставались приятелями. Но в ней была какая-то манящая загадка, что-то тайное. Возможно, я, сам того не зная, был влюблен в нее уже много месяцев. Сам того не зная? Что за дурацкая отговорка!

Мы с неохотой согласились на какое-то время отвлечься от Адама и друг от друга. У Миранды намечался семинар на северной стороне реки, а мне нужно было писать электронные письма. Когда-то цифровая коммуникация считалась верхом удобства, но к началу семидесятых она утратила ощущение новизны и сделалась обычным рабочим инструментом. Как и поезда со скоростью двести пятьдесят километров в час — грязные и забитые до отказа. Устройства с распознаванием речи — чудо пятидесятых — давно стали повседневностью, так что теперь массы людей ежедневно гробят несколько часов своего времени, упражняясь в красноречии перед машиной. А интерфейс с

мысленным управлением — дикий плод жизнелюбивых шестидесятых — теперь не способен увлечь даже ребенка. То, ради чего люди отстаивали очереди все выходные, полгода спустя увлекало их не больше, чем собственные носки. Что стало со шлемами умственной прокачки и говорящими холодильниками, распознающими запахи? Они разделили судьбу ковриков для мыши, борсеток с калькуляторами, электрических резаков и наборов для фондю. А будущее продолжало манить нас из прекрасного далека. Наши дивные новые игрушки успевали заржаветь еще до того, как мы доставляли их домой, а жизнь шла своим чередом.

Сможет ли наскучить Адам? Нелегко диктовать письма, когда ты с трудом подавляешь мандраж перед новой покупкой. Несомненно, новые люди и новые умы будут продолжать нас очаровывать. Учитывая, что искусственные люди становятся все более похожими на нас, они должны со временем сравняться с нами, а затем превзойти, так что наскучить нам они не смогут. Удивление — вот неизменное чувство, вызываемое ими. От них можно ожидать любого самого невероятного подвоха. Они могут стать источником трагедии, но никак не скуки.

Но руководство пользователя всегда наводило на меня тоску. Инструкции. Я был убежден, что любая машина, принцип управления которой не очевиден пользователю, себя не оправдывает. Повинуясь давней привычке, я распечатывал руководство и искал скоросшиватель. И продолжал диктовать письма.

Я не мог считать себя «пользователем» Адама. Я полагал, что всему, что понадобится знать о нем, он сможет научить меня сам. Но руководство у меня в руках раскрылось на четырнадцатой главе — и вот, пожалуйста: предпочтения; личностные параметры. И заголовки: доброжелательность; экстраверсия; от-

крытость новым впечатлениям; добросовестность; эмоциональная устойчивость. Этот перечень был мне знаком. Пять факторов модели личности. Как человек с гуманитарным образованием, я воспринимал такую категоричность с подозрением, хотя мой приятель, психолог, говорил, что каждая из этих категорий подразделяется на множество подгрупп. Взглянув на следующую страницу, я увидел, что мне нужно установить различные настройки по десятибалльной шкале.

Я-то ожидал, что получу друга. Я собирался отнестись к Адаму как к гостю в моем доме, как к незнакомцу, с которым мне предстоит познакомиться. Я думал, он прибудет ко мне с оптимальными настройками. Заводские настройки — современный синоним судьбы. Друзья, родственники и подруги — все они входили в мою жизнь с «готовыми настройками», с набором качеств, определявшихся генами и внешней средой. И я ожидал того же от своего нового дорогостоящего друга. Зачем мне с этим ковыряться? Но я, разумеется, знал ответ. Мало кто из нас имеет оптимальные настройки. Добрый Иисус? Смирный Дарвин? По одному на каждые тысячу восемьсот лет. Даже если бы наилучшие, наименее вредоносные качества личности были известны, что было невероятно, корпорация с мировым именем и безупречной репутацией не могла пойти на такой риск. *Caveat emptor*¹.

Когда-то Бог послал на благо своему Адаму полностью готовую спутницу. Я же должен был разработать себе спутника самостоятельно. Передо мной была экстраверсия и размеченный по баллам набор детских утверждений. «Он любит быть стержнем и

---

¹ Дословно «осмотрительный покупатель» (*лат.*). Принцип торговли, состоящий в том, что покупатель несет ответственность за проверку качества приобретаемого товара.

душой компании» и «Он знает, как увлечь людей и повести их за собой». И в самом низу: «Он испытывает дискомфорт в присутствии других людей» и «Он предпочитает держаться в стороне». А вот что было посередине: «Он любит побыть в хорошей компании, но всегда рад вернуться домой». Это про меня. Но следует ли мне создавать собственную копию? Если бы я выбирал средние значения по каждой шкале, я мог бы создать воплощенную посредственность. Антонимом которой, похоже, была экстраверсия. Там имелся длинный перечень определений с окошками для галочек: гуляка, застенчивый, темпераментный, болтливый, замкнутый, хвастливый, скромный, дерзкий, энергичный, прихотливый. И я не хотел ничего из этого — ни для него, ни для себя.

За исключением отдельных безумных решений большая часть моей жизни, особенно когда у меня никого не было, проходила в состоянии эмоциональной нейтральности, когда моя личность — что бы она собой ни представляла — пребывала в режиме автопилота. Я не был ни дерзким, ни замкнутым. Я просто был — не в радости и не в печали — и решал какие-то задачи, думал о еде или о сексе, глазел на экран, принимал душ. Мимолетные сожаления о прошлом, периодическая тревога за будущее и редкие моменты осознания настоящего, не считая очевидной чувственной реальности. Психология, когда-то уделявшая столько внимания бесчисленным проявлениям психических аномалий, теперь была увлечена тем, что считала всеобщими эмоциями, — от скорби до восторга. Но она упускала из виду значительную часть повседневного существования: при отсутствии болезней, голода, войны и других факторов стресса большая часть жизни проходит в нейтральной зоне, в знакомом саду, только сером, ничем не Примеча-